Москва
Театр на Перовской

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

МИНА МАЗАЙЛО, ХВЕСЬКА И ДРУГИЕ

Ликует украинец Мазайло, поменявший свою слишком уж хохлацкую фамилию на вполне русскую Мазенин. Их общий корень дает ему возможность, оставаясь украинцем, засвидетельствовать свое верноподданническое умиление перед Россией. Испытывает по этому поводу бурный восторг его родня. В том числе стопроцентная русская тетя Мотя из Курска, которая искренне удивляется, узнав, что украинские партийцы изъясняются на своем родном языке. «Это — другая партия»,— убежденно заявляет она. И с нескрываемой гордостью добавляет: «У нас в Курске все говорят только на русском». А если так, то, согласно ее неумолимой логике, и Украина есть та же Россия и обязана разговаривать только на русском.

Все это, а также любовные перипетии, ослепительная буффонада и беспощадный гротеск, едкая ирония и нелицеприятная правда есть в комедии Миколы Кулиша «Мина Мазайло» в Драматическом театре на Перовской. За крамолу, содержащуюся в пьесе, и сразу же после ее написания украинский драматург в 1935 году был расстрелян.

Произведение это, естественно, ни в советское время, ни позже, в России сценически не воплощалось. Даже не было переведено на русский. Такой труд взял на себя автор, сценарист, певец, аранжировщик, пианист Анатолий Зарембовский. Побывав в Киеве, он привез в подарок своему театру текст пьесы, где-то им раздобытой, воспламенил находкой худрука и режиссера Кирилла Панченко. Так Театр на Перовской стал первооткрывателем.

И нельзя не отметить актуальность режиссерского замысла, сумевшего подчинить внешнюю комедийность материала его содержательной стороне (режиссер-постановщик Кирилл Панченко), колорит сценографии, пронизанный лукавым юмором (художник-постановщик Екатерина Романова), броский эпатаж и изобретательность костюмов, стилизованных под моду то 20-х, то 90-х годов, отчего, поначалу шокирующая эклектика эта, раздвигает границы временного пространства (художник по костюмам Любовь Лаптева — одна из ведущих модельеров России). И, конечно, невозможно не упомянуть музыкальное оформление, принадлежащее тому же Анатолию Зарембовскому.

В премьере перовчан каждый актер захватывает зрителя неповторимостью своего персонажа. Таковы Анатолий Зарембовский в роли самовлюбленно-восторженного Мины Мазайло и Галина Чигасова, героиня которой Мазайлиха олицетворяет бездну мещанской ограниченности и самодовольства. Таковы Светлана Загородняя — фрондирующая и претенциозно-примитивная тетя Мотя, Светлана Козина в роли неподражаемой Бароново-Козино — педантично-чопорной и брезгливой дамочки с гимназическим прошлым. Возникающей, кстати, на сцене как мистическое пугало, призрачный фантом ушедшего в небытие мира.

И разве можно забыть Ольгу Прохватыло в роли глуповатой и снедаемой тоской по мужской близости Ули. Или Виктора Никитина, с темпераментом и сарказмом играющего дядьку Тараса — ревнивого приверженца национальной идеи.

Есть в Театре на Перовской и спектакль «Гасите свечи, господа...» — свободная композиция из стихов Великого князя Константина Романова, прозы Алексея Ремизова и песен, составленная самими актерами — Зарембовским, Загородней и Никитиным.

И «Сказка о мертвой царевне» Николая Коляды. Я давно не видел на театральных подмостках Москвы такого обжигающе-обнаженного, жестокого спектакля (про нас!), в котором с такой достоверностью раскрывалась бы трагедия человеческой личности, брошенной на самое дно жизни — жалкой, примитивной, безнадежной. Жизни, где гаснут лучшие побуждения и погибают люди — духовно и физически.

А «Карлик» Пера Лагерквиста — пронзительный моноспектакль Виктора Никитина. О величии и ничтожестве человеческой природы, о самых низменных подчас мотивах нашего мировосприятия и поведения. В течение полутора часов зрители погружаются в инобытие актерского вдохновения и открывающихся перед ними жестоких истин.

Здесь есть тончайшая психологическая драма «Фрекен Жюли» Августа Стриндберга, с постановки которой в 1987 году и начинался путь труппы; и «Панночка» Нины Садур, где происходят чудесные метаморфозы с бессмертными героями гоголевского «Вия»; и «Свои люди — сочтемся!» Александра Островского; и спектакли для детей. Театр постоянно обновляет свой репертуар. «Мина Мазайло» — уже вторая премьера этого сезона. Первой была «На бойком месте» Островского. В конце марта зрители увидели третью премьеру года — «Святополка Окаянного» Владислава Романова. Впервые на сцене развернута хроника последних дней жизни Великого князя Владимира и воцарения его сына Святополка на фоне драматической борьбы язычества и христианства на Руси. В спектакле с терпким колоритом режиссуры Кирилла Панченко и музыки Шандора Каллоша.

Возникнув восемь лет назад в районе, совершившем крупномасштабный прыжок из элитарно-дворянской культуры (под боком — усадьба Кусково с блиставшими там некогда Парашей Жемчуговой, Федором Шаляпиным, Виталием Собиновым) в изначально пролетарский образ бытия (на улицах металлические стенды с афишами выламывают вместе с бетонным основанием), театр уверенно завоевал признание. И обеспечил себе устойчивое положение в театральном мире столицы. Вопреки всем экономическим, моральным и организационным катаклизмам наших дней. Усилиями нескольких смельчаков, среди которых оказались бывший выпускник Щукинского театрального училища Кирилл Панченко, его жена Галина Чигасова — питомица Казанского театрального училища, и брат Андрей — профессиональный экономист и менеджер. Со временем соответственно худрук-режиссер, ведущая актриса и директор театра.

Не раз театр стоял на краю закрытия. Нечем было оплачивать труд актеров, реквизит, аренду и содержание помещения. Чтобы спасти новорожденное дитя, семья закладывала в ломбард все, что было в квартире. Энтузиастов заметил и поддержал Юрий Лужков. Коллектив оказался на дотации у Комитета по культуре Правительства Москвы. Ныне театр (ему присвоен статус государственного) известен не только в России, а даже в Европе. Состоялись гастроли на Украине, дважды в Югославии, в Иордании. Везде — аншлаг. Коллектив — лауреат Международных театральных фестивалей: в Киеве, в сербском Нови-Саде, где удостоен Большой золотой медали. Теперь перовчане сами организуют фестивали — с 20 по 30 апреля в честь 50-летия Победы театр провел фестиваль драматических коллективов, приглашенных из Югославии, Румынии, Франции, Англии. Зрители жалуются: билеты на спектакли приобрести стало невозможно. Что поделаешь, каждый вечер в небольшой театр Перовского предместья, не страшась надуманных воображением расстояний (для справки: 20 минут езды на метро от центра Москвы), стекаются его поклонники.

В чем же секрет успеха театра? В яркой зрелищности? Сценическом эпатаже? Притягательности тематики? Кирилл Маратович, подумав, неожиданно отвечает:

— В нашем консерватизме. Я и в шутку, и всерьез называю театр на Перовской ретроградско-рутинерским. Почему? У Станиславского есть формула: на спектакле зритель как бы подсматривает в замочную скважину. Подкупается тем, что для его глаз и слуха не предназначено. И распаляет интерес. Вовсе необязательно потому, что там — эротические оргии. В итоге зритель вступает в эмоциональный — если хотите, интимный — контакт с происходящим на сцене. И становится как бы его непосредственным участником. Не забывая при этом, что он в театре. Сейчас методология работы, которая позволяет доводить сценическое действие до такой степени реальности, достоверности, утеряна. И считается якобы устаревшей. Я пытаюсь ее понять. Если удастся — буду на седьмом небе. Приемы работы, разработанные Станиславским семьдесят лет назад, не просто имеют право на существование. Они могут и должны быть базой для дальнейшего творчества. Никто ведь не возьмется отменить закон всемирного тяготения. Он был. Есть. Будет. Ньютон, кажется, сказал: «Нас называют великими. Это — чушь. Мы стоим на плечах великих». А Сальвадор Дали в предисловии к монографии восклицает: «Художник! Если ты считаешь, что превзошел Вермеера и Рафаэля, закрой эту книгу и пребывай в блаженном идиотизме». Не стыдиться признать, что ты стоишь на плечах у гигантов, позиция, думаю, хорошая. В этом, а также в некотором противостоянии строителям театра XXI века, и заключается наша ретроградско-рутинерская сущность.

Я не хочу быть оригинальным. Мы пользуемся самыми изначальными и простыми средствами, которые и образуют душу театрального дела. Это — актерский профессионализм, помноженный на подвижнический труд, и актерский ансамбль. Если с последним все более или менее ясно, то с первым — проблема. Профессиональный театр в отличие от другого вида профессионального искусства — искусство дилетантское. Никто не мешает любому молодцу выучить слова роли, выйти на сцену и говорить. Как Бог на душу положит. И наверняка в зале сыщется хотя бы один человек, которому это понравится. И кто докажет, что самозванец-актер работает плохо? Никто. Это ведь не цирк, где одного желания ходить по канату мало. Разобьешься. Или освищут. Значит, в нашем деле речь идет об установлении критериев, по которым мы могли бы определять степень профессионализма данного актера или режиссера, их способность воплощать идеи автора. Не случайно режиссер Анатолий Васильев призывал поставить профессиональный театр на научную основу. В меру наших возможностей мы и пытаемся это делать, выявляем такие критерии.

Что и говорить, критерии — вещь полезная. И не только в лицедействе. Но вот как все-таки Кириллу Панченко удалось собрать первоклассную труппу актеров?

— Когда приходит новый человек, я не устраиваю ему просмотров. Боюсь ошибиться. Начинаю репетировать. Если на протяжении, допустим, месяца находим общий язык, то заключаем непродолжительный договор. На основе таких постепенных шагов человек либо окончательно остается у нас, либо — если мы по-разному смотрим на театр — расстаемся. Без претензий друг к другу. И сохраняя наилучшие отношения. Так, с первых дней нашего существования у нас работают Виктор Никитин — выпускник ГИТИСа и воспитанник театра-студии Олега Табакова, великолепный актер, получивший у нас звание заслуженного артиста России. Светлана Козина, прелюбопытнейшая актриса. Не говоря уж о Галине Чигасовой. В разное время влились в труппу Светлана Загородняя, Ольга Прохватыло, Анна Калинина, Юрий Блащук, Вячеслав Гуренков, Анатолий Зарембовский, Александр Матвеев, Игорь Бурдин, Игорь Кокрятский, Сергей Антонов и другие.

Беседовали мы с худруком в его кабинете на втором этаже уютного особняка, принадлежавшего бывшему жеку и переоборудованного под театр. Прощаясь, через окно скользнул взглядом по небрежно разбросанным коробкам жилых домов, скучных и серых, замусоренным и утопающим в грязи подъездам к ним, редким прохожим и бездомным собакам на улицах со вздыбленным асфальтом. Потому и спросил Кирилла Маратовича, как он мог решиться на открытие серьезного театра в захолустье.

— Могу ответить словами Юлия Цезаря: «Столица там — где я». Станиславский не стеснялся говорить о своем театре как о единственном и неповторимом. Я — стесняюсь, но в глубине души, простите, думаю так же.

Герард КИМЕКЛИС.

● *Сцена из спектакля «Мина Мазайло».*

Фото Юрия Широногорова.

Экран и сцена